

В округе ходили слухи, будто князь, заподозрив, что семья Лань отравила его сына, отправил людей за противоядием. Ланьцы стали чинить препятствия, князь в гневе перебил весь их род, а потом поджёг усадьбу, чтобы замести следы.

Ли Гуаньцзин нахмурился, взглянул на ширму и стал ждать продолжения.

Инь Ванцюань, не видя, что происходит за ширмой, почесал в затылке и продолжил:

— Подчинённый не смог выяснить, от кого пошёл слух. Удалось лишь узнать, что распространяться он начал с этого месяца.

— Приезжих опрашивал? — спросил Ли Гуаньцзин.

— Опрашивал людей из разных мест — никто не слышал. Слух пошёл из Чанъаня.

Чанъань — у самого подножия трона Сына Неба, дальше некуда от мира рек и озёр. Даже если в мире боевых искусств что-то становится притчей во языцех, до слуха чанъаньцев оно может и не дойти. Значит, кто-то запустил этот слух намеренно.

— А широко он разошёлся? — снова спросил Ли Гуаньцзин.

Инь Ванцюань покачал головой:

— Пока что только в нескольких беспокойных кварталах у Западного рынка. Я уже распорядился взять ситуацию под контроль.

Ли Гуаньцзин даже удивился: не ожидал, что Инь Ванцюань, едва услышав о слухах, уже принял меры.

— Отлично справился, — одобрил он. — Продолжай следить. С одной стороны, пресекай распространение — если понадобится, можно кого-нибудь для острастки примерно наказать. С другой — добавь людей для расследования. Вряд ли зачинщик так легко отступит.

— Слушаюсь!

Ли Гуаньцзин помолчал, потом мягко улыбнулся:

— Всё-таки спасибо тебе. Если бы опоздали, неизвестно, чем бы кончилось.

Инь Ванцюань смущённо улыбнулся:

— Пустяки. Это моя обязанность.

— Ещё что-нибудь есть?

Инь Ванцюань снова покачал головой, и Ли Гуаньцзин отпустил его отдохнуть. Спустя некоторое время вошла Жухуа:

— Господин звал?

— Да. Сходи к матери, попроси Линь Лань зайти ко мне.

Жухуа замялась:

— Сейчас уже поздно. Если княгиня спросит о причине, что сказать?

Ли Гуаньцзин подумал: княгиня наверняка спросит, а Жухуа, не зная всех обстоятельств, толком не объяснит. Да и сам он выбился из сил до крайности.

— Ладно, — сказал он. — Завтра утром я сам всё расскажу. Ступай, пусть приготовят воду, я отдохну.

Жухуа боялась навредить и хотела вызваться пойти сама, но, увидев, как Ли Гуаньцзин в изнеможении закрыл глаза, сдалась и вышла.

День выдался тяжёлым, и ночью следовало бы спать как убитому, но Ли Гуаньцзина мучили кошмары. Когда он с огромным усилием вырвался из сплетения снов и открыл глаза, ему почудилось, будто он вовсе не спал, — такая одолела усталость.

Но за окном уже пробивался утренний свет.

За ширмой послышался шорох одежды: Шимо вставала. Ли Гуаньцзин тоже сел и позвал её. Шимо, накинув халат, вошла и тихо сказала:

— Господин, поспите ещё, ещё рано.

— Не буду. На душе беспокойно.

Он поднялся. Шимо сняла с вешалки одежду и принялась помогать ему одеваться. Жухуа поднесла чашку тёплой воды. Ли Гуаньцзин смочил горло и тут же направился к выходу.

— Господин, вы ещё не умывались! — поспешила сказать Шимо.

Ли Гуаньцзин даже не обернулся, только махнул рукой:

— Я никуда не уйду, только к матери.

Шимо собралась вернуться в комнату и прибрать постель, но снаружи вдруг раздался глухой стук. Она вздрогнула, бросилась вместе с Жухуа во двор и увидела: Ли Гуаньцзин лежит навзничь у порога, а Инь Ванцюань пытается помочь ему подняться.

От столкновения Ли Гуаньцзина чуть не вывернуло наизнанку. Подняв голову и увидев Инь Ванцюаня, он сразу почувствовал недоброе. Стиснув зубы от боли в копчике, он спросил:

— Что случилось?

Лицо Инь Ванцюаня было мрачным.

— Нянь Хуань не стало!

Словно громом поразило. Ли Гуаньцзин остолбенел, а когда очнулся, сердце бешено колотилось, а спина покрылась ледяным потом. Собрав волю в кулак, он сжал дрожащие руки и сказал:

— Идём.

Когда они добрались до дровяного сарая, на небе ещё лежал лёгкий отсвет зари. Белое полотно, наброшенное посреди двора, резало глаза. Ли Гуаньцзин замер у ворот. Его взгляд

упал на петлю, болтавшуюся на балке внутри сарая. Двое караульных подошли с докладом: после допроса, как и было велено, они развязали Нянь Хуань, едой не обделяли. Перед сном она даже поблагодарила их. Охранники решили, что служанка никуда не денется, и к ночи задремали, не уловив шума в сарае. А утром Инь Ванцюань зашёл проведать, распахнул дверь — и увидел, что Нянь Хуань удавилась.

Ли Гуаньцзин перевёл взгляд во двор, медленно подошёл и протянул руку к полотну. Инь Ванцюань схватил его за руку:

— Господин, не надо... вид не для слабых.

Ли Гуаньцзин оттолкнул его и всё же откинул ткань. Перед ним предстало лицо с выпученными глазами, сизое, с высунутым языком. Ли Гуаньцзин в ужасе шлёпнулся на землю. Инь Ванцюань тут же накрыл тело обратно:

— Мы осмотрели. Действительно, удавилась.

Но Ли Гуаньцзин уже не слышал. В голове стояло искажённое лицо мёртвой и голос из самой глубины души: «Это ты её убил. Ты знал, что светские условности не пощадят женщину, но всё равно выставил всё напоказ. Ты заранее знал, что она умрёт».

Ли Гуаньцзин бессильно возражал: «Я не думал... я правда не думал...»

Инь Ванцюань и представить не мог, что происшествие так потрясёт Ли Гуаньцзина. Он положил руку ему на плечо, спросил мягко:

— Господин, вы в порядке?

Ли Гуаньцзин тупо поднял лицо. Взгляд понемногу прояснился, в нём вспыхнуло раздражение. Он проговорил со злостью:

— Я не приказывал тебе выставлять это на всеобщее обозрение! Это ты самовольничал!

Инь Ванцюань остолбенел, потом понял, что имеет в виду Ли Гуаньцзин. Холодная волна прокатилась с головы до пят, смывая всё тепло из сердца. Спустя несколько мгновений он прошептал:

— Подчинённый... виноват!

Ли Гуаньцзин закрыл глаза. Им овладело раздражение — он чувствовал, что впутался в дело со смертью, и теперь беда не за горами.

Со двора слышались шаги, раздался голос Ли Чжаоина:

— Что случилось? Брат, почему ты на земле сидишь?

Пока он говорил, уже вошёл во двор. Инь Ванцюань поспешно поднялся и объяснил:

— Служанка провинилась, её заперли в сарае. Хотели разобраться, а потом решить, как наказать, а она не вынесла и покончила с собой, страшась вины. Старший господин, по доброте душевной, очень расстроился.

— Понятно, — Ли Чжаоин помог брату подняться. — У каждого своя судьба, к чему так переживать? Разве что побольше серебра её семье выделить — пусть спокойно в следующий

круг воплотится, избавится от страданий жизни в услужении. Может, в следующий раз в хорошей семье родится.

Ли Гуаньцзин позволил поднять себя. Хотя голова была пуста, он понимал: раз уж так вышло, остаётся только возмещать ущерб иначе.

— Ты прав, — сказал он. — Пойду, поговорю с матерью.

— Я как раз собирался навестить её, пойдём вместе. — Ли Чжаоин повернулся к Инь Ванцюаню. — А тело убери, найди, где пристроить, чтобы не дать повода для беспорядков.

Инь Ванцюань кивнул.

Братья направились к главному двору. Утренний ветерок понемногу прояснил мысли Ли Гуаньцзина, и он заметил, что Ли Чжаоин всё ещё поддерживает его за плечо. На душе потеплело.

— Хорошо, что ты пришёл, а то я и правда не знал, как быть.

Ли Чжаоин улыбнулся:

— Видишь, в нашей усадьбе грязные дела редко случаются.

— Что ты имеешь в виду?

Ли Чжаоин тихо вздохнул:

— В больших домах народу всегда много, а сердца у людей сложные. Даже если вражды нет, одно слово, переданное не так, может породить сплетни. Сегодня ты мне пакостишь, завтра я тебе. Книг не читают, а в интригах не уступают никому. Так, глядишь, и доходят до того, что уже не остановиться, — вот и смертельные случаи бывают. К чему так серьёзно ко всему относиться и себя мучить? Я за свою жизнь мало видел смертей по-настоящему невинных — разве что вина смерти не стоила. А эта девушка сегодня попала впросак, не захотела мучиться при жизни и выбрала смерть. В конце концов, это её выбор.

Ли Чжаоин смотрел на вещи трезво, но Ли Гуаньцзин пока не мог с этим смириться. Впрочем, раз Нянь Хуань уже не было в живых, не приходилось больше думать, как скрывать правду. Добравшись до главного двора, он с начала до конца рассказал княгине всё как было.

<http://bllate.org/book/15944/1425335>